

За фасадом перестройки в СССР: власть, хозяйственная преступность, общество

ББК 63.3(2)634

С.В. Богданов, В.Н. Орлов

За фасадом перестройки в СССР: власть, хозяйственная преступность, общество

Ключевые слова: перестройка, спекуляция, хищения государственной собственности, растраты, взяточничество, антиалкогольная кампания, экономическая преступность.

Key words: perestroika, embezzlement of state property, defalcations, bribery, anti-alcohol campaign, economic crime.

Перестройка, осуществление которой связано с именем избранного в марте 1985 г. нового генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, оказала действительно революционное воздействие на все сферы жизни советского общества. Спустя два года, выступая на январском пленуме ЦК КПСС 1987 г., М.С. Горбачев признал, что масштаб проблем, стоящих перед страной и ее руководством, оказался куда большим, чем он предполагал [1, л. 3].

Однако наряду с весьма позитивными преобразованиями, такими как гласность, демократизация, попытки обратить внимание на застаревшие острые проблемы, снижение уровня военного противостояния с Западом и угрозы глобального межблокового конфликта, целый ряд мероприятий объективно способствовал дальнейшей криминализации советской экономической системы и общественных отношений.

Среди этих факторов можно назвать условия, в которые были поставлены узаконенные индивидуально-трудовая деятельность и кооперативные формы предпринимательской деятельности. Эти два явления имели далеко идущие последствия – фактическую легализацию «теневой» экономики в стране. Постепенно были сняты запреты на частнопредпринимательскую деятельность. Государство начало прогрессирующе утрачивать контроль над экономикой и социальными процессами.

Приняв в 1986 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР о борьбе с нетрудовыми доходами, государство, с другой стороны, спустя два года пошло на разрешение индивидуально-трудовой деятельности и кооперативов [2, с. 489–499]. Фактически это означало вывод из «тени» части нелегальных производств, капиталов и частной инициативы.

Возрождение кооперативного движения и разрешение индивидуально-трудовой деятельности в стране мыслились как приводные механизмы, которые способны насытить рынок потребительскими товарами, необходимыми услугами. Дополнительный приток товаров должен был решительно сократить дефицит, стабилизировать ситуацию с потребительским спросом. Однако эти пожелания так и остались в планах

руководителей страны. Ситуация развивалась в диаметрально противоположном направлении.

Тогда же началось активное изучение исторического опыта организации кооперации в России. Начали публиковаться ранее спрятанные в спецхраны книги, документы по вопросам кооперации, монографические исследования, научные статьи исторической и экономической проблематики [3, с. 73-76].

Все экономические союзные законы до и после закона о кооперации готовились правительственным аппаратом и выражали его интересы. Роль кооперации аппарат видел в том, что она будет дополнять государственный сектор, поможет сбалансировать потребительский рынок. Этот закон для высшей государственной бюрократии представлялся не столь значимым, поэтому его доверили составить группе ученых во главе с академиком В. Тихоновым. Однако разрешение индивидуально-трудовой деятельности и кооперативов на самом деле оказали серьезное влияние на развитие советского общества.

В период с 1988 по 1990 г. увеличивалось и число кооперативов, и численность их работников. Однако в этот же период снижалась доля продукции, реализованной населению.

В выступлении председателя КГБ СССР В.А. Крюкова на XXVIII съезде партии прозвучала следующая оценка кооперативного движения. «На 1 июня 1990 года в стране действовало около 200 тыс. кооперативов, в сфере деятельности которых занято 4,5 млн человек. Это по официальным учетам. Фактически в этих кооперативах было занято людей больше. Кооперативный сектор развивается, но пока еще не содействует стабилизации потребительского рынка. Более того, рост фонда оплаты труда работающих в кооперативах обостряет инфляционные процессы в стране. Около четырех пятых всех кооперативов создано при предприятиях, организациях, у которых они арендуют основные фонды и приобретают большую часть сырья и материалов.

Органами КГБ сейчас расследуется немало дел, связанных с организованной преступностью. Так, по одному из них, находящемуся в производстве московского управления КГБ, арестованы 6 человек из числа работников банковской системы и кооператива за финансовые операции по превращению безналичных денежных средств в наличные и хищения в особо крупных размерах. По делу изъято денег и ценностей, полученных преступным путем, на сумму более 5 млн рублей» [4, с. 122].

Как делает вывод в своем диссертационном исследовании С.А. Величко (2007), попытка возродить в СССР кооперативное движение не принесла положительных результатов. Созданные в годы перестройки кооперативы стали заниматься не производством, а перепродажей, что приводило к вымыванию из государственной торговли дешевых товаров и увеличению дефицита. На IX Пленуме Омского обкома партии (18 декабря 1987 г.) было отмечено: «Сейчас у нас зарегистрировано 96 кооперативов, 60 из которых действует. ... Более 1100 граждан получили патенты и регистрационные удостоверения. ... Кооператив «Омега» при объединении «Кружевница» скупает в государственной торговле готовые трикотажные изделия и переделывает их на шапочки, которые реализует на рынках города по спекулятивным ценам» [5, с. 49].

Появление в массовом порядке «частника» и кооперативов вызвало неоднозначную реакцию в советском обществе. При опросе общественного мнения 45% респондентов поддержали кооперативное движение благодаря легальной возможности «получать нелегитимированные доходы в соответствии с трудовым вкладом». С другой стороны, большинство граждан обвиняло возникшие кооперативы в спекуляции, и 40% опрошенных выступили против них из-за реальной опасности роста имущественного расслоения [6, с. 22].

Действительно, заработная плата кооператоров и промышленных рабочих за аналогичный вид деятельности стала резко различаться – соответственно 350–500 и 150–160 руб. [7, с. 73].

Значительный перекос в заработной плате в пользу кооперативного и «теневого» сектора экономики привел к оттоку квалифицированных кадров из государственных предприятий, организаций. Государственные предприятия и учреждения фактически лишались самых мобильных и конкурентных специалистов, которых уже не привлекал сложившийся уровень оценки их трудового вклада.

Еще одним из объективных следствий развития кооперации и индивидуально-трудовой деятельности являлась углубляющаяся имущественная и социальная дифференциация. Пользуясь полученной свободой предпринимательства, бесконтрольностью со стороны властных структур, многие из новых кооператоров в качестве приоритета своей деятельности поставили личное обогащение, уклонение от уплаты различных пошлин и налогов, запутывание бухгалтерской отчетности. Как отмечалось в научных публикациях начала 1990-х гг., если суммировать общие потери экономики за 1987 г., общую сумму вкладов населения в Сбербанке и возможные величины прибыли «теневого» сектора (около 240 млрд руб.), то выявляется сумма в 1134,9 млрд руб., фактически эквивалентная объему валового продукта, который составлял 1465 млрд руб. [8, с. 125].

В коллективном исследовании «Смешанное общество. Российский вариант» (1999) отмечалось: «Важнейшими итогами деятельности нового коопе-

ративного предпринимательства были, во-первых, демонстрация того, что возможно вложение средств преимущественно самого населения в развитие производства и сферу услуг. Во-вторых, в ходе развития кооперации произошла легализация многих ранее теневых предпринимательских структур. Однако в то же время наблюдалось активное создание новых теневых конгломератов, куда было вовлечено и кооперативное, и государственное хозяйство. В-третьих, было практически доказано, что в стране сохранились мощные социальные силы, включающие разные слои населения, готовые и способные развернуть широкую предпринимательскую деятельность в разных социально-экономических формах. Это означало наличие социальных основ движения страны к смешанной экономике и обществу смешанного типа» [9, с. 200].

Таким образом, разрешение индивидуально-трудовой и кооперативной деятельности в СССР во второй половине 1980-х гг. имело довольно противоречивые последствия для экономической и социальной сферы страны, что сыграло немаловажную роль в разрастании хозяйственной преступности в стране.

Одним из проявлений сползания страны к национальной катастрофе явилось серьезное обострение криминальной обстановки. С начала перестроечных процессов и до краха СССР ситуация с преступностью развивалась по нарастающей. Исключение составили лишь 1986–1987 гг., когда государственные органы предприняли значительные усилия по борьбе с пьянством и алкоголизмом, нетрудовыми доходами, должностными злоупотреблениями, хищениями социалистической собственности. На статистических показателях это отразилось следующим образом. В 1985 г. в стране было зарегистрировано 2083501 преступление, в 1986 г. – 1987283, в 1987 г. – 1799549, в 1988 г. – 1867549; в 1989 г. – 2461692, в 1990 г. – 2786605 [9; 10, с. 10].

Примечательным оказывалось и то, что даже внутри этого непродолжительного хронологического отрезка советской истории (1996–1990 гг.) наименьшее количество преступлений было зарегистрировано в 1987 г. – 1798549. Безусловно, это явилось следствием масштабной антиалкогольной кампании. Но уже в 1988 г. вновь возросла криминальная активность в советском обществе. В этом году было зафиксировано увеличение количества зарегистрированных преступлений. Рост составил на первый взгляд незначительное количество – чуть более 10%. В 1989 г. этот прирост составил уже 13,1% в сравнении с 1988 г. и 136,8% по отношению к 1987 г. В 1990 г. он продолжился и составил 11,3 и 15,5% соответственно.

Рост преступность этот период наблюдался не только в абсолютных величинах, но и в расчете на 100 тыс. населения. Например, в РСФСР в 1985 г. этот показатель составил 991 преступление, в 1988 г. – 860,6, в 1989 г. – 1098,5, в 1990 г. – 1245,7, в 1991 г. – 1466,7 [11, с. 22].

Еще более ощутимыми показатели преступности в СССР оказались в сравнении с серединой 1960-х гг. Так, например, к 1991 г. в сравнении с 1965 г. число зарегистрированных в стране преступлений увеличилось почти в 4 раза. Ситуация усугублялась еще и тем, что темпы прироста преступности имели тенденцию к постоянному увеличению: в 1960-е гг. среднегодовой прирост равнялся 1,3%, в 1970-е гг. – 3,6%, в 1980-е гг. – 5,4%.

Во второй половине 1980-х гг. рост преступности наблюдался практически по всем видам преступления: против личности, собственности, должностные преступления. Например, ситуация с зарегистрированными тяжкими преступлениями в РСФСР выглядела следующим образом. В 1989 г. здесь было выявлено 246974 преступлений, в 1990 г. – 282965, в 1991 г. – 309446 [12, с. 35].

В середине 1980-х гг. следственными бригадами прокуратуры Союза ССР при расследовании ряда хищений в особо крупных размерах, других хозяйственных и должностных преступлений были выявлены организованные группы расхитителей, представляющие собой качественно новое социальное явление – организованную преступность как опасный социальный институт, вполне самостоятельную управленческую систему [13, с. 107].

Появление совместных предприятий способствовало возникновению новых схем хищений государственной собственности, когда под видом отходов иностранным фирмам реализовывались крупные партии металлов и промышленных изделий.

Хищения государственной собственности шли рядом со спекуляцией, довольно часто являясь взаимовязанными компонентами крупномасштабных экономических преступлений. Либерализация внешнеэкономической деятельности в стране способствовала осуществлению отдельными кооперативами, организациями, совместными предприятиями крупных спекулятивных операций. Так, на предприятиях расхищалось сырье для перепродажи за границей. На вырученную валюту закупалась очень дефицитная в СССР импортная бытовая техника (телевизоры, видеомагнитофоны), которая затем реализовывалась через кооперативные, комиссионные магазины, спекулянтов.

Многочисленные факты подтверждали то, что в стране постоянно увеличивалось количество преступных посягательств на государственную собственность. По сведениям председателя КГБ СССР В.А. Крючкова, в 1989 г. в ходе проверок и ревизий было выявлено недостач, хищений и приписок в отчетности на общую сумму 468 млн руб. [4, с. 122].

Властям казалось, что стоит провозгласить трудовой коллектив собственником предприятия, то это сразу же приведет к возрождению чувства хозяина, ответственности за имущество завода, магазина, колхоза или совхоза. Однако это оказалось утопией.

Проиллюстрируем это на примере сельскохозяйственных предприятий Западной Сибири. Несмотря на то, что в этом регионе на коллективном подряде и

аренде к 1987 г. работало больше половины работников сельского хозяйства, потери рабочего времени хотя и сократились, однако представляли собой внушительную величину. Только за 1987 г. прогулы и неявки с разрешения администрации составили по колхозам Западной Сибири 261 тыс. человеко-дней. Целодневные простои в этом же году в колхозах Алтайского края, Новосибирской, Омской и Тюменской областей составили 242 тыс. человеко-дней. В 1986 г. колхозы Новосибирской области дали прибыль 41 млн руб., а потери от недостач, хищений, падежа, порчи и бесхозяйственности составили 63 млн руб. За первые девять месяцев 1987 г. потери мясных продуктов составили 5,8% от реализации мяса государству (в Чистоозерном районе – 19,6%, в Кыштовском – 14,9, в Татарском – 11,8%) [14].

В 1985–1986 гг. в стране развернулась массовая кампания по борьбе с «негативными явлениями» – взяточничеством, хищениями государственной собственности, различными хозяйственными преступлениями. Большой резонанс получили расследования фактов крупных хищений, растрат и приписок в Узбекистане. М.С. Горбачев в отчетном докладе ЦК КПСС XXVII съезду открыто говорил: «Пожалуй, в наиболее острой форме негативные процессы, обусловленные отсутствием критики и самокритики, проявились в Узбекистане. Бывшее руководство республики, оторвавшись от жизни, взяло за правило говорить только о достижениях, замалчивать недостатки, а любые критические суждения вызывали нервную реакцию. В республиканской партийной организации ослабла дисциплина, в чести оказались лица, для которых единственным принципом стали беспринципность, собственное благополучие и карьеристские соображения. Получили распространение подхалимство, безудержное восхваление “старших по чину”. Все это не могло не сказаться на делах. Резко ухудшилось положение в экономике и социальной сфере, получили распространение разного рода махинации, хищения, взяточничество, грубо нарушалась социалистическая законность» [15, с. 104].

Однако на снижение количества зарегистрированных растрат государственного имущества во второй половине 1980-х гг. оказал влияние преимущественно комплекс объективных явлений, а не государственная политика противодействия этому виду преступлений.

В данном контексте необходимо учитывать фактически масштабную легализацию «теневого» сектора экономики, которая произошла в результате снятия запретов с частнопредпринимательской и кооперативной деятельности. На базе государственной собственности начали создаваться негосударственные производственные структуры, т.е. началась ранняя приватизация. Собственно хищение государственной или общественной формы собственности было не что иное, как тайное завладение имуществом, в то время как переход части государственной собственности в пользование кооперативом был теперь совершенно законным способом «увода» собственности из рук государства в частные.

Итак, хищения государственной собственности выступали мощной финансовой подпиткой «теневой» сектора советской экономики. Так, в ответ на кампанию борьбы с алкоголизмом выросли прибыли от самогонварения: ежегодно до 23 млрд руб.; доходы кооператоров, скрытые от налогообложения, составляли 1,4 млрд руб.; хищения имущества граждан, организаций – около 4,9 млрд руб. [8, с. 121].

Оценивая отдельные статьи доходов «теневой» экономики, рассчитанные по данным массовой статистики, социологических обследований, материалов обследований доходов домохозяйств и экспертным оценкам, Госкомстат СССР долю хищений государственного и общественного имущества в общем объеме криминальных капиталов определил: в 1989 г. в объеме 8,3% (4,9 млрд руб.), в 1990 г. – 5,4% (5,4 млрд руб.) [16, с. 50].

В целом, несмотря на снижение доли хищений в общем объеме доходов «теневой» экономики в 1990 г. в сравнении с 1989 г., в денежном выражении хищения возросли только за один год на 500 млн руб. К этому еще необходимо добавить получившее широкое распространение хищение бензина, запасных частей для техники, стройматериалы и т.д. Таким образом, хищения государственной собственности получили широкое распространение в условиях прогрессирующей эрозии политического режима в стране.

В отличие от таких видов корыстных преступлений в сфере экономики, как растраты и взяточничество, спекуляция на протяжении всего периода перестройки имела тенденцию к постоянному росту.

В 1990 г. в СССР было зарегистрировано 51726 фактов спекуляции, что на 14,6% оказалось больше, чем в 1989 г. С 1961 г. их число возросло на 178,9%, а с 1986 г. – на 26,1%. При этом необходимо учитывать, что латентность этих явлений была весьма высокой [17, с. 78].

Основной причиной постоянного воспроизводства спекуляции в советском обществе являлся год от года нарастающий дефицит широкого круга товаров. 24 января 1986 г. министр торговли СССР Г.И. Ващенко представил в Совет Министров СССР докладную записку «О выполнении плана развития торговли за одиннадцатую пятилетку». Из его сообщения вырисовывалась следующая картина: «Продажа продуктов животноводства... в большинстве регионов страны в истекшем году по-прежнему осуществлялась с использованием различных форм рациирования. Не удовлетворялся спрос населения и на многие виды непродовольственных товаров... Обеспеченность розничной и оптовой торговли запасами товаров на 01.01.86 по сравнению с этой же датой прошлого года сократилась на 3 дня торговли... Ниже нормативов запасы почти всех основных продовольственных товаров, одежды, трикотажных, чулочно-носочных изделий и всех видов обуви» [18, л. 85].

По данным отечественных социологов, 35 млн советских граждан постоянно пребывали в различных

очередях. Дефицит постоянно порождал и укреплял «теневой» сектор экономики. Примерно 1,5 млрд руб. ежегодно советские граждане затрачивали на услуги всевозможных «теневиков», спекулянтов [19, с. 169]. К концу 1980-х гг., как показывали исследования, в Москве обувь и одежду у спекулянтов покупали 63% опрошенных [20, с. 18].

В спекулятивные сделки все активнее стали вовлекаться молодые люди. Спекуляция для отдельных молодых людей выступала более привлекательным, а главное – более доходным занятием, нежели работа на государственном предприятии, в учреждении или организации. Однозначно можно утверждать, что общественное сознание в СССР во второй половине 1980-х гг. все более «рыночнизировалось».

В документах партийный форумов уже стала открыто звучать проблема девальвации духовно-нравственных ценностей у части молодого поколения. На январском 1987 г. Пленуме ЦК КПСС констатировалось следующее: «Возросла прослойка, в том числе среди молодежи, для которых цель жизни свелась к материальному благополучию, к наживе любыми способами. Их циничная позиция приобрела все более воинствующие формы, отравляла сознание окружающих, породила волну потребительства» [21, с. 12].

Однако вряд ли всплеск спекуляции в советском обществе в этот период можно свести исключительно к девальвации духовно-нравственных ценностей в советском обществе. Спекуляция подпитывалась двумя обстоятельствами: первое – фактическая легализация частнопредпринимательской деятельности с 1986 г., второе – все нарастающий дефицит на широкий круг товаров не только длительного пользования, но и повседневного спроса.

Легализация частнопредпринимательской и кооперативной деятельности в условиях жесткой планово-централизованной экономики изначально ставила данные организационные формы производственно-коммерческой деятельности в подчиненное положение от государственного сектора, тем самым способствуя массовым фактам противоправной хозяйственной деятельности. Отдельные предприимчивые граждане создавали кооперативы, делающие деньги, а не реальные товары. Они временно создавали кооперативы для проведения незаконных финансовых операций при посреднической деятельности. Лжекооперативы не производили товары, но их руководители получали огромные доходы путем «перекачки» товаров из государственной торговли к потребителю. Кооператоры-перекупщики создавали искусственный дефицит товаров широкого потребления и в условиях свободных цен завышали цены, скупая оптом товары у производителя по ценам значительно ниже рыночных.

Как свидетельствуют результаты исследований, анализ обобщенной практики прокурорского надзора за соблюдением законов, в начале 1990-х гг. харьковские

кооператоры-перекупщики совместно с должностными лицами парфюмерной фабрики умышленно создали в восточном регионе Украины искусственный дефицит зубной пасты. На «черном» рынке паста стоила от 2 до 3 руб., при этом ее стоимость в государственных торговых учреждениях до спекулятивной аферы составляла от 40 до 80 коп. Харьковская парфюмерная фабрика производила несколько видов зубной пасты, которую оптом скупали кооператоры-посредники. Они поставляли пасту на рынок, в государственные торговые учреждения восточных областей Украины, диктуя свои посреднические цены на товар, который не производили.

В целом, по экспертным оценкам, доходы от перепродажи непродовольственных товаров по спекулятивным ценам в 1989 г. оценивались в размере 10,3 млрд руб., или 17,4% от всего объема «теневого» экономики в СССР, а в 1990 г. – 23,1 млрд руб., или 23,2% соответственно [16, с. 50].

С другой стороны, само государство открыло простор развитию частной инициативы в виде индивидуально-трудовой и кооперативной деятельности. Не случайно с 1983 по 1990 гг. судебная статистика фиксировала две тенденции в сфере частнопредпринимательской деятельности и коммерческого посредничества.

Первая – с 1983 по 1986 г. в СССР наблюдался рост числа выявленных фактов частнопредпринимательской деятельности и коммерческого посредничества: с 993 преступлений в 1983 г. до 1241 преступления в 1986 г. Вторая – с 1987 г. началось снижение количества зарегистрированных фактов частнопредприни-

мательской деятельности и коммерческого посредничества: в 1987 г. – 867, в 1988 г. – 635, в 1989 г. – 483, в 1990 г. – 485.

Деятельность спекулятивных торгово-закупочных кооперативов по перераспределению товаров (сырья, продукции) устраивали за определенную плату руководство предприятий и коррумпированные чиновники региональных, республиканских и центральных ведомств.

По данным ЦСУ СССР, в условиях товарного дефицита частные лица, занятые в «теневом» секторе, получали около 1,5 млрд руб. прибыли, завышая цены на товары и услуги до 83% от первоначальной стоимости [22, с. 31].

Как сообщил на II Съезде народных депутатов СССР министр внутренних дел СССР В.В. Бакатин, за 1980–1987 гг. число руководителей, участвовавших в экономических преступлениях, увеличилось почти в 3 раза, счетно-бухгалтерских работников – в 2 раза, членов КПСС, избалованных во взяточничестве, – на 75%, комсомольцев, совершивших спекуляцию, в 4 раза [23].

Итак, с 1986 г. власть делает ставку на внедрение новых форм хозяйствования, среди которых в том числе оказались кооперация и индивидуально-трудовая деятельность. Это явилось фактическим выводом из подполья нелегальной экономики. Однако в условиях существенной пробуксовки реформ в государственном секторе экономики, кооперативы и «индивидуальщики» были фактически изначально обречены на спекулятивные сделки, финансовые махинации и другие хозяйственные преступления.

Библиографический список

1. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 2. – Оп. 5. – Д. 45.
2. Об индивидуальной трудовой деятельности : закон СССР от 19 ноября 1986 г. // Решения партии и Правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1988. – Т. 16. Ч. 2.
3. Коржихина, Т. Судьбы кооперации / Т. Коржихина // Социалистический труд. – 1991. – №9.
4. XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г. : стеногр. отчет. – М., 1990. – Т. 2.
5. Величко, С.А. Общественно-политическая жизнь в Сибири в 1985–1991 гг.: дис. ... д-ра ист. наук / С.А. Величко. – Кемерово, 2007.
6. Бабаева Л.В. Социальная справедливость в зеркале общественного мнения / Л.В. Бабаева, А.В. Дмитриев. – М., 1989.
7. Стратегия обновления. Новый социальный механизм. М., 1990.
8. Социальное развитие СССР : сборник статей. – М., 1990.
9. Смешанное общество. Российский вариант. – М., 1999.
10. Преступность и правонарушения в СССР : стат. сборник. 1989. – М., 1990.
11. Долгова, А. Преступность в России / А. Долгова // Советская юстиция. – 1993. – №14.
12. Состояние преступности и прокурорский надзор в Российской Федерации в 1992 г. // Законность. – 1993. №7.
13. Волобуев, А. Криминология теряет проблему организованной преступности. Выгода обоюдна / А. Волобуев // Изучение организованной преступности: российско-американский диалог. – М., 1997.
14. Никулина, Е.В. Зарождение и развитие коллективного подряда в сельском хозяйстве Западной Сибири (конец 50-х – середина 80-х гг.) / Е.В. Никулина // Социальная активность трудящихся советской сибирской деревни. – Новосибирск, 1988.
15. XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза : стенографический отчет : в 3 т. – М., 1986. – Т. 1.
16. Народное хозяйство СССР в 1990 г. – М., 1991.
17. См.: Преступность и правонарушения в СССР : стат. сборник. 1990. – М., 1991.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 5446. – Оп. 147. – Д. 958.
19. Стратегия обновления. – М., 1990.
20. Теневая экономика. – М., 1991.
21. Материалы Пленума ЦК КПСС. 27–28 января 1987 г. – М., 1987.
22. Материалы Пленума ЦК КПСС. 25–26 июня 1987 г. – М., 1987.
23. Известия. – 1989. – 23 дек.